

Посадсков А. Л. Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931—1937 годах / А. Л. Посадсков // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 407—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-407-421.

Posadskov, A. L. (2019). Committee for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR as an Instrument for Managing the Soviet Scientific Community in 1931—1937. *Nauchnyi dialog*, 9: 407-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-407-421. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6+001.89(47+57)(091)“1931/1937”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-407-421

КОМИССИЯ СОДЕЙСТВИЯ УЧЕНЫМ ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКИМ НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ В 1931—1937 ГОДАХ¹

© **Посадсков Александр Леонидович (2019)**, orcid.org/0000-0002-2341-5415, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), knigoved@spsl.nsc.ru.

Статья посвящена историческому пути Комиссии содействия ученым (КСУ) при Совнаркоме СССР, существовавшей в 1931—1937 годах. Сообщается, что КСУ заменила Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), действовавшую при Совнаркоме СССР с 1921 года. Охарактеризованы функции, которые были унаследованы КСУ от организации-предшественницы, и новые, приобретенные ею полномочия. В статье детально исследуются традиционные, доставшиеся от ЦЕКУБУ, направления деятельности КСУ: продуктовое и товарное обеспечение верхнего слоя советской научной интеллигенции, элитное жилищное строительство для этой категории ученых, организация медицинского и санаторно-курортного обслуживания лиц научного труда, устройство их корпоративного досуга. Подчеркивается, что КСУ была организацией для советской научной элиты (1500—2000 человек). Показано, что отбор в списки обслуживаемых научных работников основывался на номенклатурно-должностном подходе и формальных признаках наличия научных заслуг (руководящая должность, членство в АН СССР и академиях союзных республик и т. д.). Отмечается, что деятельность комиссии была организована для целенаправленного идеологического подчинения значительной части научной интеллигенции в обмен на решение комплекса ее материально-бытовых и профессиональных проблем.

Ключевые слова: Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР; Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме СССР; советская наука; советские ученые; 1930-е годы.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00170.

1. Формулировка проблемы

В истории российской науки советский период, растянувшийся на семь десятилетий, составляет целую эпоху. Историческая ткань этого времени противоречива. Лицевая сторона истории, превозносившаяся тогда государственной пропагандой, обусловлена сильнейшей заинтересованностью коммунистического государства в движении страны по пути научно-технического прогресса: техническая и научная, а значит — экономическая и военная отсталость грозили погубить «дело коммунизма» в состязании с мировыми державами. И за прогресс приходилось платить: колоссальные капиталовложения, ежегодно вливаемые в советскую науку, не идут ни в какое сравнение с финансированием научных исследований России в до- и послесоветские времена. Престиж науки в общественном сознании достигал исключительных вершин, а статус ученого был одним из самых авторитетных.

Оборотная сторона медали состояла во всё усиливающейся зависимости науки и ученых от государственной политики и идеологии. Организация науки являлась полной прерогативой государства, вопросы научной карьеры целиком определялись степенью лояльности ученого идеологическим постулатам, корпоративная среда ученых подвергалась мощному системному давлению со стороны административного класса.

Существовало множество инструментов, с помощью которых советская идеократия осуществляла и контролировала такое положение в науке и вокруг нее. То были прежде всего государственные институты, созданные специально для руководства наукой — сменявшие друг друга комитеты, главки, отделы и управления в структуре органов власти (от Главнауки и Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР до Государственного комитета по науке и технике при Совете министров СССР). Решающее слово принадлежало партийным органам — соответствующим отделам науки и высшего образования Центрального комитета ВКП(б) — КПСС. Весомым было отраслевое руководство наукой со стороны Научно-технического отдела (с 1927 года — Управления) Высшего совета народного хозяйства СССР, а затем аналогичных управлений наркоматов и министерств.

Но были и другие, более тонкие способы подчинить научное сообщество, поставить его в зависимость от государства. В 1920—1930-е годы были созданы и активно действовали профсоюзная организация советских ученых — Секция научных работников (СНР) при Всероссийском союзе работников просвещения и особая структура в составе органов управления — Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при

Совнарком СССР, реорганизованная в 1931 году в Комиссию содействия ученым при том же Совнаркоме. Обе эти организации занимались бытовой стороной жизни советской научной интеллигенции и, согласно их декларациям, призваны были помогать ученым преодолевать материальные и житейские трудности, возникавшие в ходе реализации большевистских проектов преобразования страны. По мере нормализации экономического положения основной задачей данных структур становилось не спасение ученых от голода и элементарных неудобств, а «покупка» их лояльности, а затем и преданности идеям большевистских вождей в обмен на материальный достаток и привилегии.

Наша статья посвящена анализу деятельности второй из упомянутых структур, начинавшейся в период, когда прежняя ЦЕКУБУ, созданная в 1921 году по инициативе А. М. Горького, поддержанной В. И. Лениным, превратилась в Комиссию содействия ученым (КСУ) при союзном Совнаркоме. Эта реорганизация произошла 3 мая 1931 года по решению самого Совнаркома [ГАРФ, ф. р-5446, д. 59, л. 341—342]. Важно подчеркнуть, что речь шла не о создании новой организации, а о реформировании старой, придании ей новых функций и видоизменении существующих.

2. Слабость историографической разработки темы

Историк, взявшись за тему Комитета содействия ученым, сразу обнаружит, что он почти не имеет предшественников. Даже в советское время проблематика ЦЕКУБУ / КСУ, несмотря на ее пропагандистскую выигрышность, изучалась совершенно недостаточно. В коллективных трудах, опубликованных в 1960—1980-е годы, в монографиях С. А. Федюкина по истории советской интеллигенции о существовании и деятельности этой организации лишь упоминается. Пунктирно обозначена ЦЕКУБУ и в ряде других общих работ по истории науки и культуры. Так, в документальном сборнике «Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925 годы)» (1968) ЦЕКУБУ посвящено около десятка воспроизводимых документов, еще в стольких же содержатся упоминания о данном учреждении [Организация ..., с. 67—68, 344—349, 352—360, 362—365]. ЦЕКУБУ стала предметом кандидатской диссертации И. П. Запорова, защищенной в 1972 году [Запоров, 1972], однако ни в процессе создания диссертации, ни после ее защиты автор не опубликовал никаких серьезных статей по избранной теме (ссылок на таковые обнаружить не удалось).

Единственной крупной работой в советской историографии, фрагменты которой посвящены истории ЦЕКУБУ, является монография Л. И. Ивановой (1980) о формировании советской научной интеллигенции в пер-

вое послереволюционное десятилетие. Но и в этой объемной книге теме ЦЕКУБУ отведено в общей сложности 9—10 страниц, материал изложен бегло, поверхностно, часто в «привязке» к другим сюжетам. В одном из примечаний Л. И. Иванова говорит читателям, что имеющийся крупный архивный фонд Комиссии (Государственный архив ..., ф. р-4737) практически не тронут исследователями — «многие ее (Комиссии. — А. П.) материалы не опубликованы» [Иванова, с. 181]. Спустя сорок лет можно лишь подтвердить такое наблюдение и удивиться тому, что ценное собрание документальных источников до сих пор не привлекло внимания историков.

К подобному выводу автор статьи вынужден прийти, анализируя современную историографическую ситуацию. К сожалению, и в постсоветской историографии таких исследователей, кто желал бы изучать тему ЦЕКУБУ / КСУ систематически, а не «набегом», не нашлось.

Для развития исследований в указанной области необходимо, во-первых, преодолеть апологетический настрой предыдущей (советской) историографии, при котором все аспекты деятельности Комиссии трактовались как выражение заботы правящей партии об ученых. Во-вторых, нужно расширить хронологический охват изучаемой темы, так как все без исключения исследователи из ушедшей эпохи доводили хронологию своих работ кто до 1925, а кто до 1927 года. Ни один из них не рискнул, по понятным причинам, пойти дальше: документальные материалы сталинского времени таили в себе много неприятных сюрпризов, опровергавших официальную концепцию.

Современному подходу, который учитывал бы данные потребности исторического знания, больше всего отвечает монография Е. А. Осокиной, опубликованная двумя изданиями в 1999 и 2008 году [Осокина, 2008]. Хотя указанный труд посвящен совсем другой проблематике — продовольственному и промтоварному снабжению жителей СССР в 1927—1941 годах — в нем нашлось место для прояснения вопросов специального снабжения и наделяния привилегиями высших категорий советских ученых, что и было сутью работы КСУ. Значительная часть повествования ведется на материалах 1930-х годов, чем компенсируется умолчание предшествующей историографии. Вместе с тем и в книге Е. А. Осокиной сюжет о КСУ дан очень сжато, на пяти страницах [Осокина, 2008, с. 140—144].

Поле для изучения Комиссии содействия ученым, как и ее предшественницы — ЦЕКУБУ, таким образом, остается весьма просторным. Отметим, кстати, что ни одним историком пока не исследована издательская деятельность филиалов этой Комиссии — издательств «КУБУЧ», существовавших в Ленинграде и Томске. Между тем Ленинградское и Томское

издательства «КУБУЧ» были тогда довольно известными предприятиями, которые на рубеже 1920/1930 годов издавали научные книги, исчисляемые ежегодно десятками названий. Более того, они не были ликвидированы не только после закрытия местных КУБУ в 1925 году, но и после реорганизации самой ЦЕКУБУ, превратившейся в КСУ. Томское издательство «КУБУЧ» продолжало действовать до 1935 года, а Ленинградское — до 1934 года.

По следам Е. А. Осокиной, развивая и несколько расширяя ее тезисы, пошли еще две исследовательницы, сосредоточившие свое внимание уже непосредственно на вопросах функционирования ЦЕКУБУ / КСУ. Историк из Татарстана О. А. Хабибрахманова проецировала ситуацию на материалы своего региона: ее монография (2008), основанная на общих знаниях о работе Комиссии и ее филиалов, построена на документах о работе КУБУ и КСУ Татарской АССР, обслуживавшей ученых казанских вузов [Хабибрахманова, 2008]. Н. Л. Пушкарева, специалист по гендерной тематике, обратилась к истории ЦЕКУБУ / КСУ как к материалу о повседневной жизни научных работников СССР в довоенные годы [Пушкарева, 2017]. Ее эмоциональная статья, повторяя ряд позиций Е. А. Осокиной и О. А. Хабибрахмановой, заостряет внимание читателей на политическом смысле большевистского эксперимента по созданию специального органа, взявшего опеку над материальной стороной быта ученых. Автор подчеркивает, что в ходе эволюции деятельности Комиссии советская бюрократия добивалась (и добилась) номенклатурного деления ученых на «массу» и элиту — обласканную и задобренную привилегиями касту научных начальников, ставшую оплотом тоталитарного режима.

Появившаяся недавно статья Н. М. Осиповой посвящена частному историковедческому вопросу — наличию большого комплекса материалов Книжного отдела Комиссии содействия ученым (занимавшегося в 1931—1937 годах международным книгообменом) в фонде № 465 Архива Российской академии наук [Осипова, 2018].

Таким образом, знакомство с существующей историографической ситуацией убеждает в крайней недостаточности усилий историков по освоению данного пласта советского прошлого.

3. Преобразование ЦЕКУБУ в КСУ и первые шаги нового ведомства

Итак, в мае 1931 года из числа учреждений, состоявших при Совнаркоме СССР, исчезла Центральная комиссия по улучшению быта ученых, ее место заняла Комиссия содействия ученым. В постановлении Совнаркома, посвященном данному преобразованию, и в инструкциях, приня-

тых в развитие ситуации, устанавливались функции новой Комиссии. Эти функции были сгруппированы в два раздела: первый раздел (который, очевидно, понимался как главный) включал в себя меры, способствующие развитию научно-исследовательской работы ученых: содействие в издании научных трудов, выписка иностранной литературы и пособий, помощь в получении научных командировок, в том числе зарубежных, и т. п. Вторая группа функций представляла собой как бы продолжение той работы, которой занималась ЦЕКУБУ. Это были меры, обеспечивавшие улучшение материально-бытовых условий жизни ученых: медицинская и санитарно-курортная помощь, налаживание жилищных и бытовых условий, организация досуга через Дома ученых, удовлетворение индивидуальных просьб и т. п.

Но начиналась работа КСУ даже не с этих сформулированных Совнаркомом направлений, а с возобновления постановки своих подопечных (высшей группы научных работников) на продуктовое и товарное снабжение. В годы Гражданской войны первой обязанностью ЦЕКУБУ являлось обеспечение ученых продовольственными пайками. В 1923 году, когда в результате нэпа товарно-денежные отношения в стране были восстановлены, а полки магазинов наполнились продуктами и товарами, ЦЕКУБУ заменила выдачу ученым пайков на денежные выплаты [Осокина, 2008, с. 141; Хабибрахманова, 2008, с. 57]. Первая пятилетка, принеся с собой слом нэпа, заставила государство вновь обратиться к нормированному снабжению бюджетников продовольствием. В течение 1928—1929 годов во всех регионах страны на предприятиях и в учреждениях были введены продуктовые карточки. Для отдельных категорий работников были организованы закрытые распределители, в которых избранный контингент советских граждан мог получить по таким карточкам повышенную (разную — в зависимости от номенклатурного положения) норму продовольствия или товарного довольствия (одежда, обувь и т. д.). На Комиссию содействия ученым возлагалась задача учесть контингент научных работников, принятых ею на обеспечение, ранжировать эту массу ученых в зависимости от степени их полезности для государства, выделив высшее звено руководителей науки, а также специалистов всесоюзного и мирового уровня — и обеспечить выдачу им соответствующих карточек, прикрепив к закрытым распределителям материальных благ.

Работа Комиссии над этим вопросом началась сразу после ее создания 3 мая 1931 года и продолжалась примерно год. По согласованию с КСУ Наркомат снабжения СССР издал в 1931 году соответствующие распоряжения по своему центральному и местному аппарату, такие же решения

о прикреплении ученых к распределителям приняли региональные органы власти [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 326, л. 1—23]. К 1932 году уже были готовы списки научных работников на получение «спецснабжения по категориям» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 432, л. 1—279].

4. Контингент ученых, обслуживаемых КСУ

Продуктовое и все остальное снабжение ученых строилось на дифференциации и жестком ограничении количества обслуживаемого контингента. В предшествовавшее десятилетие ЦЕКУБУ взяла на учет и обеспечивала, с разбивкой на пять категорий, практически всех деятелей науки и искусства, кто признавался достойным опеки. Для включения в списки обслуживаемых имели значение прежде всего научные достижения ученого, оценки его творчества в профессиональной среде, общественная известность. Круг обслуживаемых включал в 1920-е годы около 8 тыс. ученых [Осокина, 2008, с. 142] (Н. Л. Пушкарева называет цифру 7 тыс. [Пушкарева, 2017, с. 332]).

Начало 1930-х годов характеризовалось в СССР резким ростом числа учебных заведений, отраслевых и академических НИИ. Значительно выросло и количество преподавателей вузов и техникумов, аспирантов, начинающих ученых. Но КСУ имела заданием обеспечить только элиту работников науки, под которыми понимался, в первую очередь, руководящий состав. Пропуском в списки Комиссии служили, во-первых, номенклатурно-административное положение ученого (должность), во-вторых, наличие некоторых внешних атрибутов высшей профессиональной квалификации — членство в союзной и республиканских академиях наук, звания заслуженных деятелей науки и техники, а после принятия Совнаркомом СССР 13 января 1934 года постановления «Об ученых степенях и званиях» — степень доктора наук, звание профессора. Некоторое значение продолжали иметь и собственно научные заслуги (наличие крупных печатных трудов, учебников, длительность преподавательского стажа, фундаментальность лекций, всесоюзная и мировая известность). Но в общем оценка ученых в системе КСУ была формализованной, бюрократической. Главным критерием социальной ценности ученого считалась его работа на благо «строительства социализма». Комиссия открыто декларировала такой подход в одном из первых своих постановлений от 3 июня 1931 года «О снабжении старших категорий научных работников». Согласно этому документу КСУ должна была обеспечить «первоочередное удовлетворение материально-бытовых нужд наиболее активных квалифицированных ученых», работа которых направлена на «разрешение конкретных вопросов и задач <...> народного хозяйства»

[Хабибрахманова, 2008, с. 62]. Со временем к этому добавился другой главный признак выделения ученого в высшую категорию получателей благ от КСУ — его общественная деятельность, то есть степень усердия в пропаганде марксизма-ленинизма, политического курса ВКП(б), достижений советского государства и т. п. Важнейшее значение для оценки ученого стало иметь его членство в партии.

Комиссия содействия ученым взяла под свою опеку лишь около 2 тыс. представителей научной элиты вместо 7—8 тыс. ученых, получавших спецснабжение от ЦЕКУБУ. В разные годы эта цифра колебалась (Е. А. Осокина насчитывает 1,5—2 и даже 3 тыс. подопечных КСУ [Осокина, 2008, с. 142, 144]). Опись личных дел обслуживаемых ученых, хранящаяся в архивном фонде КСУ [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 2], включает около 1800 фамилий. Следует подчеркнуть, что в контингент обслуживания КСУ вошли крупнейшие ученые российской провинции, поскольку региональные КУБУ, в списках которых они состояли ранее, были упразднены. Отбор работников нестоличной науки в перечень КСУ был, пожалуй, самым избирательным и строгим. Среди личных дел ученых, состоявших на снабжении КСУ, автору статьи удалось найти лишь 17 фамилий представителей Сибири и Дальнего Востока. Это томичи И. Н. Бугаков, Н. В. Вершинин, Н. И. Карташов, В. Д. Кузнецов, С. В. Лебедев, Ф. Э. Молин, М. Д. Рузский, Б. П. Токин, М. А. Усов, Б. К. Шишкин, омичи А. И. Малейн и Н. В. Цицин, красноярец А. Я. Тугаринов, иркутянин К. Н. Миротворцев, дальневосточники А. Н. Криштофович, Н. Н. Любимов, А. А. Половинкин. Вместе с учеными, уехавшими к началу 1930-х годов из Сибири и с Дальнего Востока в столицы (М. К. Азадовский, В. А. Ванюков, Б. П. Вейнберг, Н. В. Кюнер, Г. С. Ландсберг, П. П. Маслов, В. А. Обручев, Д. И. Розенберг, Н. Н. Урванцев), доля представителей азиатской части РСФСР в списке обслуживаемых Комиссией составила менее 1,5 %. В число получателей помощи не попали многие десятки других известных сибирских и дальневосточных ученых, которых КСУ по каким-то причинам (по-видимому, из-за несоответствия их должностей) не сочла возможным приобрести к своим благам. Эти и другие категории научной интеллигенции, общим количеством 10 тыс. человек, тоже получали в 1930-е годы спецснабжение от государства — но не по спискам КСУ, а через профсоюзную организацию — Секцию научных работников Всерабпроса. Нормы их снабжения были ниже, чем у элиты, опекаемой КСУ [Осокина, 2008, с. 144].

В период первоначальной организации для Комиссии содействия ученым решающее значение имело ранжирование всей научной интеллигенции СССР для выделения из нее того ядра, которое КСУ была призвана

обслуживать. В декабре 1931 года КСУ составила и передала на утверждение в Совнарком СССР «Проект единой номенклатуры должностей научных работников вузов, втузов, НИИ, научных музеев и библиотек» [ГАРФ, ф. 4737, оп. 1, д. 348, л. 1—8]. Единая иерархия должностей, введенная во всех научных организациях страны в 1932 году, позволяла Комиссии давать оценку ученому на основании его номенклатурно-должностного статуса. Упростилась задача выявления научного «генералитета». Эту же цель преследовала проведенная в марте — декабре 1932 года по инициативе КСУ кампания по учету всех научных работников СССР [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 418, л. 1—52]. В 1933 году Комиссия вела переписку с ведущими научно-исследовательскими институтами страны, прося их предоставить сведения о «крупнейших ученых СССР» с целью содействия их работе [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 523, л. 1—87].

Списки номенклатурной элиты составлялись, уточнялись, дополнялись и сокращались. Но руководство страны, по-видимому, считало их слишком длинными. 20 июня и 2 сентября 1934 года Совнарком СССР принял два постановления, которыми возложил на КСУ «обслуживание ограниченной группы ученых в количестве около 2000 человек». Список этих избранных лиц утверждала специально созданная правительственная комиссия [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 736, л. 1а]. Но и такое количество клиентов КСУ властям казалось избыточным. В декабре 1935 года следует реорганизация деятельности КСУ с целевой установкой «уменьшения числа обслуживаемых ученых» [ГАРФ, ф. 4737, оп. 1, д. 735, л. 1а]. С 1936 года списки таких ученых стал утверждать отдел науки ЦК ВКП(б) [Осокина, 2008, с. 144].

Между тем количество желающих приобщиться к благам КСУ росло с каждым годом. Архивный фонд Комиссии содержит сотни просьб от советских ученых о включении их в систему номенклатурного обслуживания, причем большинство этих заявлений подкреплено хвалебными отзывами коллег, руководителей вузов и НИИ, характеристиками с места работы и т. д. С 1935 года в стране появилась категория так называемых «ученых-ударников», имевших преимущественные шансы на включение в состав обслуживаемого контингента. Для второй половины 1930-х годов актуальным стало уже не продуктивное обеспечение (карточки на продовольствие и ширпотреб были отменены в 1935 году). Побудительным мотивом для просителей являлись другие возможности, которые открывались перед ними в случае попадания в списки Комиссии: предоставление возможности пользоваться услугами лечебных учреждений и курортов КСУ, получение зарубежных командировок, выписка иностранной научной литературы, обеспечение культурного досуга.

5. Функции КСУ: преемственность и обновление

Как отмечалось выше, в наследство Комиссии содействия ученым достался целый набор функций, присущих ее предшественнице — ЦЕКУБУ. Некоторые из этих функций сохранились без изменений, другие трансформировались, третьи постепенно сошли на нет, четвертые неожиданно перешли в разряд самых важных. Остановимся подробнее на каждой из «миссий» КСУ.

Одной из важнейших задач ЦЕКУБУ в 1920-е годы являлся надзор за правильностью пенсионного обеспечения ученых, защита их пенсионных прав (в частности, права на начисление персональных или академических пенсий) перед лицом бюрократии из Наркомата социального обеспечения [Иванова, 1980, с. 196—198; Хабибрахманова, 2008, с. 58—59]. Во времена Комиссии содействия ученым пенсионная тема ушла из сферы ее компетенции. Этими вопросами занималась тогда Секция научных работников. КСУ в течение трех лет (1931—1933) рассматривала дело о назначении персональной пенсии бывшему сотруднику Научно-технического отдела ВСНХ С. Н. Ванкову — и это был единственный пример внимания к пенсионной теме [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 365, л. 1—7].

Не привилась в системе КСУ и деятельность по премиальному поощрению работ советских ученых. В свое время (1922—1925) ЦЕКУБУ являлась инициатором учреждения премий за выдающиеся научные исследования. В ее составе существовала авторитетная экспертная комиссия, определявшая ценность представленных научных разработок [Иванова, 1980, с. 182, 199—201; Пушкарева, 2017, с. 328]. КСУ пыталась продолжить эту традицию, тем более что проведение работ по премированию лучших научных исследований было закреплено в ее уставе. В январе 1932 года Комиссия вошла в переписку с только что созданным Народным комиссариатом тяжелой промышленности СССР, в составе которого была организована премиальная комиссия. Речь шла о координации усилий по премированию «особо ценных научных работ» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 421, л. 1—12]. С октября 1932 по апрель 1933 года длилась переписка Комиссии с Совнаркомом и Госпланом СССР, Академией наук СССР об организации в 1933 году конкурса научных работ КСУ [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 419, л. 1—82]. Но предложения не нашли действенной поддержки в коридорах власти, и в дальнейшем КСУ не предпринимала попыток организации премиальных конкурсов.

Принципиально важной стороной деятельности ЦЕКУБУ было участие в решении жилищных проблем ученых. В 1920-е годы работа сводилась к упорному и часто успешному отстаиванию жилищных прав научной интеллигенции, противодействию выселениям ученых из квартир,

их насильственному «уплотнению» и борьбе с другими видами административного произвола со стороны всевозможных городских и заводских жилищных начальников [Иванова, 1980, с. 195—196; Хабибрахманова, 2008, с. 71—75]. Комиссия содействия ученым продолжила правовую работу по урегулированию и улучшению жилищной ситуации в среде работников науки. В 1932 году КСУ выдвинула предложения о льготах для научных работников по предоставлению жилой площади и о финансировании жилищного строительства для ученых. Согласовав вопрос в Совнарком СССР и в правлении Центрального коммунального банка, руководство КСУ подготовило проекты постановлений Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР и Совнаркома СССР [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 378, л. 1—64]. Позднее эти два проекта были переработаны в один, и 27 марта 1933 года вышло совместное Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об улучшении жилищных условий научных работников» за подписью М. И. Калинина и В. В. Куйбышева [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 457, л. 1—18; Пушкарева, 2017, с. 338; Хабибрахманова, 2008, с. 76]. В развитие этого документа были приняты инструкции Народных комиссариатов юстиции и коммунального хозяйства о реализации жилищных прав научных работников [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 456, л. 1—59]. За учеными было закреплено право иметь дополнительную комнату или жилплощадь в размере 20 кв. м, оплачивая ее в обычном размере. Постановление предполагало также создание КСУ собственного жилищного фонда, резерв которого должен был пополняться за счет площадей (комнат), освобождаемых учеными из списка КСУ при переезде в новые квартиры. Последний пункт, впрочем, остался в области пожеланий: огромный дефицит жилья привел к тому, что помещения, высвобождаемые учеными, оставались за их родственниками, заранее прописанными в данной комнате.

Тем не менее Комиссия содействия ученым, согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР, была наделена правами застройщика и собственника ведомственного жилищного фонда. Открывшиеся перспективы породили в руководстве КСУ невероятные административные фантазии. Весной 1933 года, сразу после выхода Постановления, КСУ создало жюри для проведения конкурса на составление архитектурного проекта Дома научного труда в живописном месте Подмосковья под Звенигородом. В ряде документов этот «дом будущего» назывался Дворцом научного труда. К ноябрю 1933 года был готов план участка строительства [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 484, л. 1—4]. В 1934 году архитекторы подготовили материалы к программному заданию на постройку и оборудование Дома научного труда [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 576, л. 1—37].

Но строительные планы КСУ тормозились недостатком финансирования. Пришлось отказаться от замыслов строительства дома в Подмоскowie и перенести предполагаемую постройку на менее затратную площадку в самой Москве [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 754, л. 10—17]. Прежнее пафосное название «Дом научного труда» было заменено при этом в 1936 году на более скромное «дом для высококвалифицированных научных работников» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 785, л. 12—23]. Здание должно было стать первым элементом задуманного КСУ московского Академгородка на тогдашней окраине города в районе Нескучного сада и старинного усадебного комплекса Президиума АН СССР [Пушкарева, 2017, с. 339]. В 1938 году был составлен новый архитектурный проект дома [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 827, л. 1—15] и в 1939 году началось его строительство. К 1940 году 12-этажный в 10 подъездов «дом академиков» был возведен на Калужской улице (современный адрес: Ленинский проспект, дом 13) по проекту академика архитектуры А. В. Щусева. 145 роскошных квартир с лепниной и внутренними колоннами приняли элиту академической науки. В том же 1940 году неподалеку были возведены еще 10 «академических» домов с особой планировкой и высокими потолками — их обитателями также стали избранные ученые и научные руководители из списка КСУ [Пушкарева, 2017, с. 338—339]. Само обладание таким жилищем означало принадлежность к высшему кругу функционеров советского общества и подразумевало безусловную преданность новоселов идеям коммунистической партии и государства, их вписанность в систему тоталитарной власти. История с получением монументального жилья верхушкой советской научной интеллигенции — частный случай подкупа лидеров интеллектуальной корпорации, приручения политическим руководством страны людей, составлявших цвет национальной науки.

Комиссия содействия ученым унаследовала от ЦЕКУБУ и систему корпоративного досуга, осуществлявшегося через Дома ученых. Первый Дом ученых ЦЕКУБУ был открыт 18 июня 1922 года в Москве, в знаменитом особняке Коншиной на ул. Пречистенка [Пушкарева, 2017, с. 325; Хабибрахманова, 2008, с. 85]. Московский дом ученых располагается в этом здании и поныне. Следом за столицей свои Дома ученых создали многие местные КУБУ. В частности, Дом ученых был открыт в 1923 году в Томске, однако он состоял на бюджете не ЦЕКУБУ, а Секции научных работников [Иванова, 1980, с. 223]. Дома ученых основывались на принципах клубной работы, их содержанием была лекционная, литературно-концертная, театральная, кружково-секционная, библиотечная деятельность. Значительная часть ее (но далеко не вся) была, разумеется, пронизана политической

пропагандой. Придя на смену ЦЕКУБУ, Комиссия содействия ученым существенно сократила провинциальную сеть своих досуговых учреждений. В 1935 году Дома ученых КСУ остались только в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 712, л. 14].

С ходом времени функции Комиссии содействия ученым претерпевали эволюцию. Новые веяния в политической жизни страны, укрепление тоталитарной идеологии и сталинской практики управления социальной сферой вносили ощутимые коррективы в работу учреждения, призванного форматировать советский тип научной интеллигенции.

6. Заключение

На примере Комиссии содействия ученым при Совнаркомом СССР можно проследить характерную судьбу социальной институции, созданной советским государством с целью охватить своим влиянием, а затем и подчинить себе определенный сегмент общества, не вызывающий доверия административного класса. Политическая задача Комиссии состояла в том, чтобы заманить верхушку научного сообщества СССР в ловушку льгот, привилегий и преференций, создать «выдающимся ученым» особые условия жизни, оторвать их от массы работников науки. Пользуясь плохим состоянием продуктового и товарного снабжения в стране, низким уровнем здравоохранения, нерешенностью жилищных проблем ученых, коммунистические власти добились смирения, а затем осознанного подчинения значительной части научной интеллигенции в обмен на решение комплекса ее материально-бытовых и профессиональных проблем.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-4737. Комиссия содействия ученым при Совнаркомом СССР. Оп. 1. Д. 326, 348, 365, 378, 418, 419, 421, 432, 456, 457, 484, 523, 576, 712, 735, 736, 754, 785, 827.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-5446. Совет народных комиссаров — Совет Министров СССР. Оп. 1. Д. 59.
3. КСУ — *Комиссия содействия ученым при Совнаркомом СССР*.
4. ЦЕКУБУ — *Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркомом СССР*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запоров И. П. Создание и деятельность Центральной комиссии по улучшению быта ученых. 1919—1925 годы : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / И. П. Запоров. — Москва, 1972. — 24 с.
2. Иванова Л. И. Формирование советской научной интеллигенции. 1917—1927 годы / Л. И. Иванова. — Москва : Наука, 1980. — 392 с.

3. *Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925 годы)* : сборник документов. — Ленинград : Наука, 1968. — 420 с.

4. *Осипова Н. М.* Документы Книжного отдела АН СССР в Архиве Российской академии наук / Н. М. Осипова // *Современные проблемы книжной культуры : основные тенденции и перспективы развития* : материалы IX Международного научного семинара (Москва, 24—25 октября 2018 г.) : в 2 ч. — Минск : Центральная научная библиотека НАН Беларуси ; Москва : Наука, 2018. — Ч. 1. — С. 380—384.

5. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 351 с.

6. *Пушкарева Н. Л.* «Содействие ученым» в Советской России. 1917—1941 годы. (К истории повседневности научных работников в довоенное время) / Н. Л. Пушкарева // *Город и горожане в Советской России 1920—1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик* : сборник научных статей. — Краснодар : Традиция, 2017. — С. 318—343.

7. *Хабибрахманова О. А.* Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции / О. А. Хабибрахманова. — Казань, 2008. — 120 с.

COMMITTEE FOR ASSISTANCE TO SCIENTISTS UNDER THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE USSR AS AN INSTRUMENT FOR MANAGING THE SOVIET SCIENTIFIC COMMUNITY IN 1931—1937

© **Alexander L. Posadskov** (2019), orcid.org/0000-0002-2341-5415, Doctor of History, professor, Federal State Budget Scientific Institution The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), knigoved@spsl.nsc.ru.

The article is devoted to the historical trajectory of the Committee for the Assistance to Scientists (CAS) under the Council of People's Commissars of the USSR, which existed in 1931—1937. It is reported that the CAS replaced the Central Committee for the Improvement of the Welfare of Scientists (CCIWS), which had operated under the Council of People's Commissars of the USSR since 1921. It describes the functions that were inherited by the CAS from the predecessor organization, and the new powers acquired by it. The author examines in detail the traditional areas of CAS activities inherited from Central Committee for the Improvement of Welfare of Scientists (CCIWS): food and commodity supply of the higher social group of the Soviet scientific intellectuals, elite housing construction for this category of scientists, the organization of medical and sanatorium-resort services for scientists, and their corporate leisure activities. It is emphasized that CAS was an organization for the Soviet scientific elite (1,500—2,000 people). It was shown that the selection of scientific workers was based on the nomenclature-official approach and formal signs of scientific achievements (leadership position, membership in the USSR Academy of Sciences and the academies of the Union republics, etc.). It is noted that the activities of the Committee were organized for the purposeful ideological subordination of a significant part of the scientific intellectuals in exchange for solving a set of its financial, welfare and professional problems.

Key words: Committee for the Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR; Central Committee for the Improvement of the Welfare of Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR; Soviet science; Soviet scientists; 1930s.

MATERIAL RESOURCES

- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-4737. Komissiya sodeystviya uchenym pri Sovnarkome SSSR.* (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5446. Sovet narodnykh komissarov — Sovet Ministrov SSSR.* (In Russ.).
- KSU — *Komissiya sodeystviya uchenym pri Sovnarkome SSSR.* (In Russ.).
- TsEKUBU — *Tsentralnaya komissiya po uluchsheniyu byta uchenykh pri Sovnarkome SSSR.* (In Russ.).

REFERENCES

- Ivanova, L. I. (1980). *Formirovaniye sovetской nauchnoy intelligentsii. 1917—1927 gody.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Khabibrakhmanova, O. A. (2008). *Vlastnyye strategii i taktiki po uluchsheniyu kachestva zhizni nauchnoy intelligentsii.* Kazan'. (In Russ.).
- Organizatsiya nauki v pervye gody sovetской vlasti (1917—1925 gody): sbornik dokumentov.* (1968). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Osipova, N. M. (2018). Dokumenty Knizhnogo otdela AN SSSR v Arkhive Rossiyskoy akademii nauk. In: *Sovremennyye problemy knizhnoy kultury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya.* Minsk: Tsentralnaya nauchnaya biblioteka NAN Belarusi; Moskva: Nauka. 1: 380—384. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2008). *Za fasadom «stalinskogo izobilya»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927—1941.* Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2017). «Sodeystviye uchenym» v Sovetskoй Rossii. 1917—1941 gody. (K istorii povsednevnoy nauchnykh rabotnikov v dovoyennoe vremya). In: *Gorod i gorozhane v Sovetskoй Rossii 1920—1930-kh godov: mir emotsiy i povsednevnykh praktik.* Krasnodar: Traditsiya. 318—343. (In Russ.).
- Zaporov, I. P. (1972). *Sozdaniye i deyatelnost' Tsentralnoy komissii po uluchsheniyu byta uchenykh. 1919—1925 gody: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).